

Частное мнение: Размышления на развалинах Иркутска

Иркутск хорош в своем отрицательном обаянии, считает Владимир Демчиков. На руинах города он рассуждает о трансцендентальном великолепии, авиакатастрофах и метаморфозах бобра.

Есть два образа Иркутска. Один — Иркутск красивых фотографий, резных наличников, гламурных видеороликов, всевозможных карнавалов и всего прочего из разряда «сделайте мне красиво». Не имею ничего против этого образа Иркутска, ибо раз есть спрос на «сделайте мне красиво» — будет и предложение. Этот красавец-город особенно любят предъявлять начальству и вообще официальным гостям города, этот образ на ура идет на всевозможных экономических форумах и конференциях. Именно к этому парадному городу многочисленные специалисты по брендингу территорий все стараются пришпандорить еще и какой-нибудь яркий бренд — чтобы было что-то типа розочки на торте. Обычно предлагают Байкал, но тут одна беда: до Байкала от Иркутска, вообще-то, как до космоса (70 км — это верхняя граница атмосферы). Этот парадный Иркутск, как и полагается, очень любит хорохориться. Поэтому все свежие наши памятники выглядят так, будто какая-то баскетбольная сборная разбрелась по улицам: все неестественно высокие, стройные и очень спортивные. Вот явно играющий центровым казак на Нижней Набережной, вот поджарый и мощный крайний нападающий Ножилов, вот крепкий разыгрывающий Вампилов, а вот их коллега, мускулистая дылда-жена декабриста. Парадный Иркутск вызывает много восторгов, но ничего кроме них не вызывает. Весь парадный Иркутск можно объехать на автомобиле за полчаса, он маленький и игрушечный, как городок в табакерке.

Но есть и другой Иркутск. Любители парада и гламура — особенно когда они на работе или при исполнении фуршетных обязанностей — стараются его не замечать и подальше прячут его от глаз официальных гостей. Но именно непарадный Иркутск мы обычно показываем оказавшимся в городе нашим друзьям.

И про этот, другой Иркутск мы можем говорить с приехавшими друзьями часами. Мы обязательно расскажем все, что знаем и помним про все крупные авиакатастрофы, обсудим обидную кличку «город падающих самолетов» и вспомним, кто из наших знакомых отказывался лететь в Иркутск по воздуху. Отправляясь выгуливать друзей по городу, мы, конечно, пройдем мимо заметных и красивых мест, но пойдем непременно дворами и теми переулками, где еще можно увидеть деревянные тротуары (сейчас их практически не осталось) и вообще старые деревянные дома. И если где-то по пути будут развалины какого-то деревянного памятника архитектуры, мы обязательно завернем к нему. И покажем, и все расскажем и про пожары-поджоги, и про исчезновение исторической застройки.

А кто помоложе — тот обязательно сводит своих гостей перекусить в китайскую «чифаньку», где в тесноте и обстановке жесткой антисанитарии гость наконец нутром почувствует про Иркутск что-то важное. Да и сам безумный «шанхай» в центре города — чем не место для экзотической познавательной прогулки с гостем из какого-нибудь несчастного Парижа?

И даже в 130-й квартал образованного и продвинутого гостя мы ведем, чтобы полюбоваться на него как на архитектурный курьез и «диснейленд», а заодно и перекусить в этом пивпарке, чем общепит послал. Знаю, любители парадного Иркутска ходят сюда и за лепотой, и чтоб сфотаться на фоне китайского сердечка — ну и на здоровье, каждому — свое. Кстати, задрипанный сарайчик на задворках аэропорта с деревенскими лавками вдоль стен и жутким вращающимся кругом для багажа, много лет служивший аэропорту «залом прилета» и знаменитый на всю Россию, был парадоксальными воротами в этот непарадный Иркутск.

В общем, гламур гламуром и парад парадом, но сами-то мы друзьям показываем в Иркутске то, что в нем действительно интересно. А интересны какие-то элементы стихийной жизни и истории, наглядные и явные проявления судьбы, рока, времени и вообще всего того, что от людей практически не зависит. Только это интересно по-настоящему.

Но вот такого непарадного Иркутска, в котором хозяйничает не какой-то там сиюминутный мэр или губернатор, а только судьба и время – его как бы не существует. О нем нет книг и альбомов, выставок и мероприятий, о нем почти не принято писать в нынешней прессе, не принято устраивать по его поводу круглые столы с фуршетом. А бедные любительницы «чифанек» и кулинарного экстрима вынуждены на работе, вздыхая, писать тоскливо-позитивные тексты о фитнесе и правильном питании.

А почему, собственно, мы стесняемся этого непарадного Иркутска? Почему надо гримировать наш город, как покойника, навешивать на фасады нелепые баннеры и от чего-то отводить глаза? Наоборот, когда идешь по милому сердцу и будто послевоенному центру Иркутска — стесняться стоит, скорее, новенькой строительной глупости в сайдинге, а не покосившихся деревяшек. В этих деревяшках, какие бы страшные они ни были — больше века теплится городская жизнь и живая история. А воткнутая рядом новостройка не говорит нам ни о чем, кроме ушлости ее хозяина.

Иркутск проживает свою сложную жизнь. И в этой жизни есть не только подъемы, не только «славные страницы» и не только трогательный провинциальный гламур на цыпочках. В его истории есть много достаточно сложных, а порой и мрачных страниц, говорить о которых у нас не любят. Даже последние десятилетия дали немало таких примеров, в том числе криминальных. Иркутск — город, в котором произошла одна из самых трагических историй позднего СССР — гибель семьи Овечкиных. А серийный убийца Кулик? А дача Лунного короля? Да, обо всем этом где-то есть какая-то информация, иногда появляются статьи в газетах... И тем не менее, это неприятные темы, и в них никто особо не лезет. Но это было у нас, нам и разбираться с этим. Что же за город такой, почему здесь такое случилось? В одном из обсуждений в фейсбуке Валентина Рекунова, занимающаяся историей Иркутска, оставила интересный комментарий о нашем городе: «Даже в пору, когда Иркутск был богат и силен, персоны с трудом договаривались друг с другом, а то и просто топили друг друга (как Иван Степанович Хаминов братьев Бутиных, например). А в последующие годы неспособность договариваться лишь усиливалась и в десятые годы XX века уже приняла характер катастрофический. Кажется, в последний раз иркутское общество объединилось в 1904-ом, провожая свои полки... Было ли общество после того? Не уверена. Но сейчас его нет, ибо кланы — не общество». То есть Иркутск — город многолетнего и традиционного внутреннего беспокойства и борьбы всех со всеми. Попробовать бы понять причину этого постоянного раздора, — он ведь, как ни странно, сопровождает Иркутск вплоть до наших дней. И, кстати, то, как легко Иркутск избавлялся от ярких художников, разрывая с ними всякие связи — это ведь тоже наша городская традиция, и она возникла не на пустом месте. Художникам всегда здесь жилось непросто, еще в советское время они выбивались из спокойной колеи: молодым утонул Вампилов, покончил с собой любимец города артист Жибинов, позднее оставили Иркутск режиссеры Кокорин, Вырыпаев, мим Шевченко, список рано ушедших и уехавших можно продолжать долго...

Есть в истории города и комические страницы. Первое, что приходит на ум — история нашего герба. Еще в 1690 году, как пишут, Иркутску был пожалован герб, представлявший собой «в серебряном поле бабра, бегущего по зеленой траве в левую сторону щита и имеющего в челюстях своих соболя». Бабр — это название уссурийского тигра, только и всего. В 1790 году Екатерина II утвердила герб Иркутска, в описании которого тигр назывался тигром, и слова «бабр» не было вообще. Но через сто лет, в 1878 году, во время реформы российской геральдики, какой-то канцелярский грамотейка решил «исправить ошибку» в старом еще

написании (а может, просто описАлся), и вместо бабра появился бобр: «В серебряном щите черный бегущий бобр с червлеными глазами, держащий во рту червленого соболя». И дальше началась абсурдная история наподобие тыняновского «Подпоручика Кижэ» (в этом рассказе вместо «подпоручики же» писарь написал «подпоручик кижэ» — и в результате орфографической ошибки в армейских списках появился несуществующий подпоручик Кижэ, который дослужился до генерала). Поскольку на рисунке герба был тигр, а в описании теперь появился бобр, неизвестный художник вынужден был как-то выкручиваться, адаптировать тигра к бобру, вот и пририсовал тигру хвост бобра и перепонки на задних лапах. А заодно — видимо, уже до кучи, гулять так гулять! — украсил герб Иркутска венком из дубовых листьев. К сожалению, история не сохранила ни имени московского грамотейки, ни имени талантливой и изворотливой художницы. Зато бедный тигрокентавр с перепонками и бобровым хвостом так и закрепился в гербе города. Его почему-то называют мифическим, хотя мифов о нем никаких нет, а есть только вот эта анекдотическая по сути и канцелярская до мозга костей история его появления. Но согласитесь, история смешная, иметь вымышленное животное в качестве городского герба — это небанально, и по-своему это редкая удача. Мы тут, можно сказать, нечаянно оказались в одном ряду со старинными европейскими городами с их крылатыми конями и драконами на гербах. Но даже и к этой по-настоящему комической странице истории мы относимся с тоскливой серьезностью. И этот смешной и фантастический бабр-тигр-бобр в появившийся недавно в городе известной скульптуре никак не обыгран, а просто скучно воспроизведен под копирку, «чтоб было похоже на картинку». А неожиданную версию бабра работы Намдакова, которая могла бы украсить город, забраковали искусствоведы в депутатском.

Для меня наш город, — каким я его вижу и люблю, — это город во многом с «отрицательным обаянием», это такой, если хотите, наш аналог балабановского Питера. Город фантастически красивый — и мрачноватый в своей запущенности и неухоженности, город открытый — но со своими тараканами, город выдающихся людей — и трагических сломанных судеб, город всеобщего сибирского братства — и непримиримой вражды каких-то групп между собой. И именно этим Иркутск и интересен, отрицательное обаяние города — тоже обаяние, причем гораздо более мощное и притягательное, чем обаяние парадной открытки. Способность не отворачиваться от непарадных страниц своей истории, исследовать их и использовать это знание себе во благо — это и есть признак настоящего города, все крупные города умеют это делать. А кто пошустрее — на чем-то подобном даже зарабатывает. Пизанская башня ведь когда-то тоже была всего лишь нелепым покосившимся строением.

Мой старинный товарищ Виктор Штрассер, уличный фотограф, много лет фотографировал Иркутск, и его всегда привлекали те дома, улицы, закутки, двери, стены, на которых заметны приметы разрушения. Я даже ругался с ним когда-то по молодости и глупости, говорил ему: ну что ты снимаешь? Зачем снимать этот завалившийся дом? Зачем фотографировать вот эту облезлую дверь с пятью сломанными звонками столетней давности? Сейчас я смотрю на его фотографии и не могу оторваться: тогда мне казалось, что он снимал разруху, а на самом деле он снимал течение времени. И в фотографии облезлой двери с кучей сломанных звонков на раздолбанном косяке — почти физически слышны голоса этих звонков и голоса людей, которых уже нет. Иркутск на таких фотографиях — живой, это как раз и есть мой город.

Говорят, что в имении графа Аракчеева (того самого) были по его указанию специально построены «романтические развалины». Была такая мода в начале 19 века, положено было иметь что-то такое в усадьбе. Среди таких романтических развалин, демонстрирующих как раз разрушительную работу времени и судьбы, этим самым графьям в 19 веке, видимо, хорошо думалось о бренном и вечном. Так вот с романтическими развалинам у нас в городе, в отличие от имения графа Аракчеева, проблем нет. Их строить не надо, их полно на каждом шагу. Так где еще, если не среди этих развалин, нам и предаваться размышлениям о драматичной судьбе нашего такого прекрасного, а порой и такого ужасного города? Вот так и развалинам найдем применение, чем мы хуже графа?

Разговариваем недавно по телефону со старым товарищем, который давно уехал из Иркутска, вполне состоялся в столицах, но — судя по соцсетям — все время следит за Иркутском, участвует в местных полемиках и пристрастно комментирует местные дела. «Так возвращайся!» — говорю. «Нет, — отвечает, — я на третий день пребывания в Иркутске ухожу в запой. Не могу вернуться, не выдержу там, я просто физически чувствую, как этот город меня разрушает». Город, в котором невозможно жить, невозможно оставаться, а, уехав, невозможно оторваться от него окончательно — это и есть Иркутск.

Владимир Демчиков

Фото: Ольга Романова

Источник: ["Провинция"](#)

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

ДРУГИЕ СТАТЬИ В СЮЖЕТЕ: ["ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ИРКУТСКА"](#)

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Артур
Скальский.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](#)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: [@kras24_link_bot](#)

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: [@nsk24_link_bot](#)

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: [@tomsk24_link_bot](#)

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: [@babrobot_bot](#)

эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)